

Очерк

В преддверии 60-летия Победы мне посчастливилось подготовить несколько публикаций о ветеранах Великой Отечественной войны, в их числе о хорошо известных и уважаемых в поселке Эвальде Яновиче Сиреле и Эдуарде Андреевиче Сибулею. Вроде бы неплохо зная этих людей, как одних из сотен и сотен до конца исполнивших свой солдатский и гражданский долг перед Родиной, я был потрясен их воспоминаниями о своей родословной, а в принципе, родословной всех эстонских переселенцев, создавших еще в девятнадцатом-начале двадцатого веков хутора, отвоевавших у лесов и болот сельхозугодья, окультуривших бросовые земли, внесших неоспоримый прогресс в существующее здесь земледельчество - неимоверным трудом, лишениями, но настолько же и счастливых: свой надел, свое хозяйство, вполне приличный достаток - только не ленись. А потом, как гром среди ясного неба, - революция, коллективизация, сталинские репрессии. Кому - расстрельная статья, кому - ГУЛАГ, а семьям тех и других - высылка в ту же сибирскую тьму-таракан...

Эстонский пласт

Факты, в общем-то, известные, но "в общем и целом", а когда о них ведет живой свидетель или участник многих событий, они наполняются совершенно иным смыслом, духом тех далеких и сравнительно недавних времен и, конечно же, всей гаммой человеческих чувств - от простых обыденных радостей до неоплаканного горя, от смирения до внутреннего протеста жесточайшим действиям властей, которое, впрочем, и в лихую годину, и в мирное время уступило место (простите за патетику, но как есть, так и есть) патриотизму и энтузиазму, благодаря этому наша страна стала победительницей в смертельной битве, а вслед за этим не только оправилась от разрух, но и достигла таких высот могущества, коих не знала мировая история. Эстонские переселенцы, я с полным основанием называю и их "Эстонским пластом", были и есть далеко не худшими представителями земли российской. Вот так и возникла мысль попытаться воссоздать путем отдельного повествования, хотя бы эпизодически, наиболее значимые события из существования эстонской общины в крестецких краях. За основу этого рассказа я взял как устные воспоминания Э.А. Сибуля, так и написанные по моей прозбе воспоминания Э.Я. Сиреля, а также подготовленный по документам государственного исторического архива Новгородской области материал сотрудницы ГИАНО Т.А. Данько.

Тогда когда же зародился "Эстонский пласт", кто был первопроходцем? Отвечая на этот вопрос, Э.Я Сирел ссылается, в частности, на книгу эстонского историка В. Маамяги (издательство "Эстонская книга". Талин. 1980г.), в которой, в основном, изложены все материалы о причинах переселений Эстонских крестьян в Крестецкий уезд Новгородской губернии, о возникновении и разрастании поселений и т.д. и материал Т.А. Данько, как уже сказано, основанный на архивных документах Новгородчины. Несмотря на различные источники, эти воспоминания и официальные документы повторяют и дополняют друг друга.

Итак, в 1721г. с окончанием Северной войны Эстония по Ништадскому мирному договору окончательно вошла в состав Российской империи. Появились новые условия для развития Эстляндской (Северная Эстония) и Лифляндской (Южная Эстония) губерний.

Крестьянские волнения в Эстонии в конце XVIII - начале XIX веков послужили определенным ускорением для проведения аграрной крестьянской реформы в Эстонии. Александр I утвердил новые законы: "Положение о Эстляндских крестьянах" (1816г.) и "Положение о Лифляндских крестьянах" (1819г.), в соответствии с которыми крестьяне лично стали свободными, но вся земля осталось в собственности помещиков. Крестьянин мог только арендовать земельный надел. Во второй половине XIX века барщину почти полностью заменила денежная аренда земли. Стали формироваться собственные крестьянские хозяйства - хутора, но более 60 процентов крестьян по-прежнему не имели своей земли: арендная плата была не только достаточно высокой, но и значительно выше, чем аренда земли некоторых других губерниях России в.т.ч. и в Новгородской.

Вследствие этого, а также практичного и расчетливого ума эстонских крестьян в конце в XIX - начале XX веков в Крестецком уезде насчитывалось 7 компактных мест проживания эстонцев, больше, чем любом другом уезде губернии. Среди них Бугры-Лиманы (время поселения - 1881г.), Яблонка (1889г.), Ново-Эстонское общество (1893г.), Каменка (1910г.), Холм, Кузнецово, Бугры-Камзово (дата неизвестна).

Именно в Камзово переехал Петр Сель. В Эстонии он батрачил, бедствовал, поэтому в 1889г. оставил свою историческую родину и после неудачной попытки осесть в Гдовском уезде Псковской губернии (условия аренды были кабальными), уже в 1892г. переехал в Крестецкий уезд, где через Тульский Поземельный Банк приобрел в рассрочку лесной участок земли, который без чьей-либо помощи (как и все переселенцы) в конце-концов разработал под пашню...

Эти официальные архивные данные подтверждаются и дополняются данными из воспоминаний Э.Я. Сиреля, который, основываясь на различных источниках, утверждает, что исходя из итогов первой переписи населения в России, в 1897г. в Новгородской губернии проживало 3112 эстонцев. После революции 1905 года процесс переселения ускорился. Землю стали отдавать в аренду на 5 лет и продавать. Цена за десятину колебалась от 1,25 руб. до 7 руб. В первую очередь переселенцы становились хозяевами запущенных помещичьих земель - заросших лесом, заболоченных. Но разве могло это послужить непреодолимым препятствием для тех, у кого в крови было извечное стремление к своему "куску" земли, к самостоятельности? Конечно же, нет и еще раз нет!

Как пишет Э.Я. Сирель, неопровержимым доказательством о массовом переселении эстонцев в Крестецкий уезд в конце XIX столетия служат данные из книг Памяти жертв политических репрессии (т.т.1-5) по Новгородской области, где указаны год и место рождения репрессированных (таких фамилий более двухсот). К примеру Ваакс Яан Карлович, 1878 г.р., уроженец Эстонии; Эгги Яан Петрович, 1897 г.р., уроженец дер. Лиманы Крестецкого уезда и т.д.

Так сколько же переселенцев и членов семей насчитывалось на эстонских хуторах на начало-середину XX века? К сожалению, общего числа эстонской общины в документах архива обнаружить не удалось. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что в местах компактного проживания эстонцев в 1909г. в поселке Бугры, Бугрово-Эстонского общества (Большие и Малые Лиманы), расположившегося в 15 верстах от Крестец, проживало 453 человека (229 мужчин и 224 женщины), насчитывалось 107 жилых строений. Другой поселок - Ново-Эстонское Тимофеевской волости, расположился в 30 верстах от Крестец, где проживало в 57 домах 226 человек (127 мужчин и 139 женщин). По сведениям Э.Я. Сиреля, которые он получил свое время от бывшего члена Камзовского сельсовета Людвиг Яановича Кяиса, в который входили Большие и Малые Лиманы, на учете в сельсовете стояло 187 семей. Но наиболее точны и впечатляющи архивные данные о численности эстонского населения в Крестецкой волости Валдаиского уезда на 1924 г: Бугры-Лиманы - 78 хозяйств, 545 человек; Бугры-Камзово - 73 хозяйства, 338 человек; Холм - 28 хозяйств, 177 человек; Куснецово - 16 хозяйств, 89 человек; Каменка - 20 хозяйств, 93 человека; Яблонка - 104 хозяйства, 473 человека.

Таким образом, к началу двадцатых годов со времен появления первых эстонских хуторов на крестецкой земле образовалась целая "цепь" в общем-то густонаселенных эстонских поселений со вновь разработанными земельными наделами, с развивающимся животноводством. Можно только представить,

насколько же тяжел был труд и социально-бытовые условия их жителей, которые, впрочем, не боялись лишений и трудностей.

Как явствует из воспоминаний Э.Я. Сиреля, который ссылается, в частности, на рассказы своего деда Даниэля, первоначально переселенцы жили в землянках, корчевали лес, разрабатывали землю и постепенно обрастали постройками: сараями, ригами, гумнами, скотными дворами, банями. Свой жилой дом Даниэль Сирель построил в 1898 году, когда отцу Эдвальда Яновича исполнился 1 год. В месте с Даниэлем в Россию переселился старший сын Михаил с женой, двумя дочерьми - Юлией и Альвиной. Яан Сирель женился в 1921 году. Хозяйство к этому времени было уже большое: несколько лошадей, до десяти коров, овцы, свиноматки. По мере возможности закупался необходимый сельхозинвентарь. Т.е. эстонские переселенцы привнесли в местную культуру земледелия бесспорный прогресс. Но не только это: эстонцы-хуторяне "болели" пчеловодством, садоводством, а потому с весны до осени эти поселения были похожи на райские уголки, залитые кипенью цветущих садов, радующие созревающими плодами. И это при том, что большинство эстонцев-крестьян, первых переселенцев были неграмотны или малограмотны. Как следует из архивных данных, некоторые говорили и умели писать только на эстонском языке. В анкетах, которые заполняли так насыщаемые личенцы, в графе "образование" в редких случаях значилось: "сельская школа".

Известно, что в двадцатые годы прошлого столетия ликвидации безграмотности в стране уделялось первостепенное значение. Эта задача решалась за счет создания школ, в том числе и эстонских, изб-читален, красных уголков и библиотек. Так, на 1924 год в Крестецкой волости работало несколько эстонских школ: в Бугры-Лиманах, в Каменке, в Яблоне-Эстонской колонии. Одну из них Бугры-Лиманскую, организованную в 1892г., посещали 33 ученика. Учителем здесь на 1923-24г.г. Юрий Карлович Роден. Школа была двухкомплектная (4-классная), имелся интернат для детей. Преподавание велось на эстонском языке, однако, проводились и уроки русского языка.

Здесь же после разрухи гражданской войны и голода действовал политпросветклуб имени Яна Креуска. В планах-отчетах о его работе значилось: "проведение кампании по укреплению эстонской печати и по сбору средств в пользу постройки аэроплана имени тов. Виктор Кингисепп". За год удалось собрать на постройку аэроплана 8 руб. 45 коп. В Камзовском сельсовете был организован кружок друзей газет и книг, лозунгом которого был - "Одна газета на пять дворов". Выписывались 3 экземпляра газеты на эстонском языке "Эдази" и 5 газет на русском языке на 72 крестьянских хозяйства.

Из воспоминаний Э.Я. Сиреля: "Если говорить о близости расположения эстонских хуторов к Крестцам, то первыми были хутора по речке Яйемле ("Эдази") Кивимейстеров - Юрия, Дыну и Мартына, Лехмуса Александра и т.д. В Ручьях и Подсеке обосновались Нассар Павел, Линд Густа и Линд Вальтер; у дер. Заречье Андрей Рееп, Ян Рееп, Юхан Рееп; в районе Жаров - Ян Ребане, Александр Ребане, Петр Кюбар, Оскар Ландра.

Хуторяне-эстонцы поставили на р. Яйемле несколько мельниц. Одна из них, Штокмана работала до 1941 года, которую в начале войны охраняли военные, ибо хлеб нужен был конечно же и армии.

Центром Лиман и Камзово можно считать хутор Веебера Густа, где в период коллективизации расположилось правление колхоза "Красный Холм". Здесь была неполная семилетняя школа на эстонском языке, в которой преподавали А. Тобияс, А. Аликас, М. Силсакас, Э. Юргенфельд, Кунн, Кийв.

В период коллективизации, в 1931 году Кийв был зверски убит врагами советской власти - Эйхе и его сообщниками. Прах Кийва покоится на городском кладбище...

Камзовский сельсовет был самым многочисленным и обустроенным. Здесь имелось свое почтовое отделение (начальник Вятсон), магазин (завмаг Виира Рууди), пекарня (Эмма Хаар).

Как и все верующие люди, эстонцы-католики постоянно заботились о своей душе: в Камзовском сельсовете было две церкви, одна из них находилась у национального кладбища в районе Камзово. Здесь 31 мая 1931 года после службы произошла настоящая трагедия: церковь была подожжена, священник Яан Антсович Лутс, 1868 г.р. был арестован и уже 2 июля 1931г. приговорен к расстрелу. Его семья - жена и четверо детей осиротели. Вторую церковь приспособили под клуб. Все это сильно повлияло на настроение эстонского населения...".

Собственно прелюдией массовых репрессий тридцатых годов нужно считать середину двадцатых. В 1926 году со стороны местных властей началось давление на более зажиточные семьи. Первое, что было применено к "кулакам" - это лишение избирательных прав с последующим раскулачиванием и высылкой за пределы Ленинградской области.

Как вспоминает Э.Я. Сирель, клеймо "кулак" было приписано и его родителям в 1926 году, но в 1928 году райисполком рассмотрел жалобы отца и отменил решение сельсовета. Однако, радоваться было рано. В 1929 году был арестован

и решением суда заключен на 3 года в концлагерь (Коми АССР) брат отца Михаил. В 1930 году раскулачили и выселили в Мурманскую область А.Я. Лехмус с семьей, А.Ю. Воол с семьей, О.Я. Маяс с семьей - таких были десятки. В 1933 году брат отца вернулся, а отца посадили, нас раскулачили, землю передали в коопсельхоз "Красные Лиманы", а скот и инвентарь - в колхоз "Красный Холм". Освобожденный в 1936 году отец работал в коопсельхозе "Красные Лиманы", но 19 августа 1937г. был вновь арестован, а 15 октября того же года расстрелян. Примерно в эту же пору был арестован и расстрелян его брат Михаил.

Факты, приводимые в воспоминаниях Э.Я. Сиреля, полностью подтверждаются архивными документами. Сотрудница ГИАНО Т.А. Данько пишет: "Крепкие хуторские хозяева попали в числе первых под репрессии - сначала лишение избирательных прав, затем раскулачивание и ссылка. В частности, в списках репрессированных, проживающих в Камзовском сельсовете, значатся фамилии эстонцев: Кумми Оскара Густавовича, 1903 г.р., уроженца Лифляндской губернии; Сепп Рудольфа Ивановича, 1898 г.р. (Лифляндия); Кейвсар Михаила Михайловича, 1859 г.р., выходца из Эстонии; Селль Павла Павловича, 1904 г.р., уроженца дер. камзово; Егги Александра Петровича, 1890 г.р., родившегося в дер. Лиманы.

И все же жуткие жернова массовых репрессий (конечно же, не только эстонцев) кровавым следом прошли по судьбам людей, начиная с 1937 года. Карательная машина органов НКВД едва успевала перерабатывать "враждебный советской власти и трудовому народу элемент". В Камзово, в Большие и Малые Лиманы и другие места массового проживания эстонцев через день и каждый день по лесным проселкам зачастил из Крестец "воронок". Бывало и так: хоронят хуторяне на кладбище своего умершего естественной смертью земляка, а в это время мимо кладбища черной тенью проезжает наводящая ужас машина с милиционерами и энкаведэшниками - за очередной жертвой. При виде ее повиснет над кладбищем мертвая тишина, дети прячутся за деревья. А у взрослых один вопрос: за кем пошел "воронок" и кто будет следующим (из воспоминаний Валентины Оскаровны Хайдовой, в девичестве Коссар). А "следующих" по эстонским поселениям истинных тружеников-крестьян, сгноивших от пота на полях не одну рубаху, мастеровых-сапожников, мельников, каменщиков и т.п. было великое множество, но не многим суждено было вернуться к своим семьям, на свою землю и свой хутор: к одним практически сразу после ареста была применена расстрельная статья, другие осуждены на длительные сроки заключения в сталинских лагерях под названием ГУЛАГ, где сгинули безвозвратно. Впрочем, в конце тридцатых годов

"брали" не только хуторян, но и тех эстонцев, которые обосновались в самих Крестцах - это, в частности, Ландра Оскар Густавович, расстрелян 21 ноября 1938г., Раудвассар Петр Михайлович, рабочий льнозавода, осужден на 10 лет лагерей, Сабре Петр Янович, мастер по изготовлению гармоней, сапожник, расстрелян 12 ноября 1938г.; Сабре Эдуард Янович, фотограф-часовщик, расстрелян 12 ноября 1938г.

После массовых "зачисток" среди мужского эстонского населения прокатилась вторая волна репрессивных мер, направленных против их семей. Как вспоминает Э.Я. Сирель, в конце мая 1940г. их дом по распоряжению сельского Совета был распушен, жить пришлось в сарае, пищу готовили под открытым небом на оставшихся после погрома мечке и плите. Их семью спасло то, что исходя из приказа НКВД, беременных и кормящих грудью жен репрессированных мужей не сажали. Мать с 1938г. стала работать в колхозе, да и Эвальду, родившемуся в 1926г., пришлось бросить школу и пойти на сельхозработы и при этом приглядывать за младшими братом и сестренкой. Но начавшаяся война ускорила неизбежную развязку. В начале октября к ним прислали подводу и дали два часа срока - собраться, и уже вечером того же дня с немногочисленным скарбом Елизавета Михайловна Сирель с детьми (кроме Эвальда, Делилла, 1922 г.р., Эрнст, 1936 г.р., Левиире, 1931 г.р.) погрузились в вагон в районе Красного Городка. Вместе с ними в этом вагоне ехали Аарна Густав Михайлович - брат матери с семьей (пятеро детей), Пуксинг Анна Фридриховна с двумя сыновьями и многие, многие другие - полный эшелон, в середине которого находился вагон с работниками НКВД.

Путь лежал в Сибирь, в Красноярский край, где уцелевшим в дороге ссыльным (в дороге многие умерли) пришлось трудиться, не покладая рук в колхозах, на строительстве заводов и т.п., и отсюда Эвальд Сирель в конце концов попал на фронт, чтобы внести свой вклад в Победу над фашистской Германией в составе эстонского корпуса, рядом с теми, многие из которых также прошли через "сито" сталинских репрессий. Ведь Родина всегда остается Родиной, она одна, несмотря ни на что.

Не буду скрывать, давным-давно, зная о существовании эстонских поселений на крестецкой земле, но сная в основном по сохранившимся названиям хуторов (Камзово, Эдаси, Большие и Малые Лиманы), часть которых или стала сельхозугодьями колхозов и совхозов, или заросла лесом, я и воспринимал их такими - просто частью территории района. Да и в разговорах с коренными крестецкими эстонцами, как правило, великими тружениками (к примеру в свое время на Ямской ферме совхоза "Крестенцкий" работали замечательные

доярки), я в своих материалах показывал их как передовиков социалистического соревнования, никогда не затрагивая судьбу их предков, корней героев своих публикаций. И только нынче, встретившись с эстонцами - ветеранами Великой Отечественной войны, вдруг ощутил даже не интерес, а душевную потребность попытаться рассказать нашим читателям об "эстонском пласте" крестенцкой земли и крестенцкой истории. Ощутил потребность побывать на пока еще сохранившемся национальном эстонском кладбище в теперь уже урочище Камзово, которое расположено в каком-то полукилометре от устьволмской дороги.

...На невысоком взгорье взметнулись ввысь давно ставшие великовозрастными березы, сосны и ели - дикий, нетронутый лес. И если бы не мой проводник, Эвальд Янович Сирель, вряд ли бы вот так сразу определил, что здесь нашли вечный покой многие из эстонских переселенцев. Тем более не разглядел бы двух пересекающихся аллей, основания церкви, той самой, сожженной безбожниками-активистами советской власти; углублений от каменной ограды (камни, собранные и свезенные сюда первым поколением переселенцев с разработанных и окультуренных земель, были использованы (кошунство!) на строительство плотины Ямского колхоза и частично трассы Москва-Ленинград).

На пересечении аллей установлен и чудом сохранился остроконечный памятный камень с датой основания кладбища - 1891г. и надписью на нем на эстонском языке того, кто выбирал это место под кладбище: "Михаил Самуш". А на плоском камне, прислоненном к памятному знаку, значится: "Петр Эгги - первый, кто похоронен и отдыхает здесь"...

Десятки и десятки едва видных и сравненных с землею могил с крестами и без. Здесь лежат основатели рода Сибулей, Сирелей и многих, многих других. Оставшиеся на крестенцкой земле потомки, в основном старшее поколение, время от времени навещают могилы предков. И эти могилы более-менее ухожены. Но большая часть захоронений предана беспамятству и забвению. Во всяком случае, с 1991 года, когда на 100-летие кладбища и 50-летие последнего костра в Иванов день в 1991г. сюда приезжали родственники покойных из Эстонии.

Печальное, горькое зрелище. Беспамятство и забвение "отеческих гробов" тяжкий грех, хотя и этому можно найти объяснение: между Россией и Эстонией пролегла граница, это разные государства; все меньше и меньше остается эстонского населения в Крестцах. Но ведь род-то человеческий, эстонский род продолжается. Не может быть никаких непреодолимых границ у святого долга и памяти. Да и нынешняя власть - правопреемница власти прежней, по

распоряжению которой была варварски уничтожена вот эта каменная ограда. Вроде бы во благо живущих. Но, оскверняющий память усопших, предавший их забвению, рано или поздно обязательно пожалеет об этом.

Б.Ефимов

От автора: еще и еще раз перечитал подготовленный к печати материал. К сожалению, в него вошло далеко не все, что позволило бы читателям нашей газеты воочию представить жизнь и судьбы крестенцких эстонцев, в переломные и трагические моменты истории нашей страны не только разделивших участь русского, советского народа, но и в числе первых попавших в немилость сталинского режима. "За бортом" повествования остались многие социально-бытовые, нравственные "мелочи", характерные только для представителей этой нации, ставшей неотъемлемой частью нашего общества, обогатившей его во всех отношениях.

Несмотря на это, надеюсь, что "эстонский пласт" при всех его пробелах побудит читателей не только по-иному взглянуть на нашу историю, задуматься над тем, что происходит сегодня, но и сделать для себя какие-то важные выводы и поделиться ими на страницах районной газеты. Не исключаю возможность, что на материал откликнутся и потомки крестенцких эстонцев, проживающие в нынешней эстонии.